

КЕЙТ КАРЛАЙЛ

УБИЙСТВО

В ТВЕРДОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К23

Kate Carlisle
HOMICIDE IN HARDCOVER

Copyright (c) Kathleen Beaver, 2009
All rights reserved

Переведено в Переделкино.

Карлайл, Кейт.

К23 Убийство в твердом переплете (Расследования реставратора #1) / Кейт Карлайл ; [перевод с английского К. А. Буяновой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Ток. Как раскрыть убийство. Руководство для любителей).

ISBN 978-5-04-236035-0

Бруклин Уэйнрайт — настоящий хирург своего дела.

Пусть её «пациенты» пахнут плесенью, а их «позвоночники» сделаны из кожи, — ни одна больная книга не погибнет у неё на глазах. Чего, увы, нельзя сказать о её друге, наставнике и бывшем работодателе Абрахаме Карастовски.

Накануне торжества в честь завершения очередной реставрации Бруклин находит Абрахама в луже крови. С последним вздохом он успевает прошептать: «Помни о Дьяволе» — и доверяет ей на хранение бесценный, по слухам проклятый, экземпляр «Фауста» Гёте.

Но очень скоро Бруклин сама оказывается в центре скандала: её подозревают и в убийстве, и в краже. Чтобы доказать свою невиновность, Бруклин придётся расшифровать подделки, оставленные наставником, и восстановить справедливость — прежде чем убийца доберётся до неё самой...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Буянова К., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-236035-0

*Посвящается Дону,
который всегда верил,
что этот день настанет*

Благодарности

Это моя первая книга, и я бесконечно благодарна многим людям. Все имена даже и не перечислить, но хочу упомянуть хотя бы некоторых.

Спасибо моим агентам, Кристине Хогреб и Келли Хармс из агентства «Джейн Ротросен», за ценные советы, невероятный энтузиазм и непревзойденное мастерство, с которым они помогли мне, автору-новичку, пройти тернистый путь к публикации. Также спасибо моему редактору, Кристен Вебер, чья позитивная энергия развеяла все мои страхи и помогла книге засиять. Благодарю художественный отдел издательства за создание самой прекрасной обложки на свете.

Спасибо Морин Чайлд за дружбу, любовь, честность и поддержку и Сьюзан Маллери за мудрость, вдохновение и превосходный вкус в вине. Я безмерно благодарна за то, что могу называть вас друзьями и почти соавторами романа. Знаю, что никогда не смогу в полной мере выразить свою благодарность за все, что вы для меня сделали. Мучас грасиас замечательным писателям сообщества «Ромэнс бэндитс», чей коллективный ум, доброта и преданность делу сделали это путешествие таким захватывающим.

Я также хочу поблагодарить союзы писателей Америки «Ромэнс райтерз оф Америка» и «Систерз ин крайм» за то, что открыли мне свои двери и предоставили возможность завести новых друзей и получить новые знания.

Спасибо Брюсу Леви, мастеру, который познакомил меня с искусством переплета, а также Центру книги Сан-Франциско и эксперту по переплетному делу Энн Линдси за то, что дала мне навыки и знания, необходимые для создания прекрасных книг с использованием классических методов XIX века. Также огромное спасибо художнице Венди Пома за то, что научила меня множеству различных техник переплета всего за один день. Все ошибки, связанные с методами и приемами, мои и только мои.

И, наконец, я безмерно благодарна моей замечательной семье: мужу, маме, братьям, сестрам, племянникам и племянницам, тетям, дядям, двоюродным братьям и сестрам, родне по крови, закону и духу. Спасибо за вашу любовь, поддержку и неизменный юмор! Клянусь, любое сходство между вами и персонажами этих страниц — чистое совпадение.

У книг те же враги, что
и у людей: огонь, сырость,
животные, погода и они сами.

Поль Валери

Глава 1

Мой наставник всегда говорил, что для спасения пациента его сначала нужно убить. Не самый дружелюбный способ объяснить восьмилетней ученице свою теорию реставрации книг, но сработало. Я выросла с твердым намерением спасти всех.

Разглядывая выцветший хрупкий том в кожаном переплете, лежавший передо мной на рабочем столе, я понимала, что смогу вернуть его к жизни. Но будет непросто, потому что речь идет о шестистах страницах рыхлой и вонючей мякоти. А некогда элегантный позолоченный корешок книги и вовсе практически оторван от тела.

— Прости, старичок, но не в мою смену, — приговаривала я, смахивая пыль с петель мягкой щеткой. Проведя пальцем по корешку, обнаружила, что он весь в красном порошке. Плесень уже начала распространяться. Кожаный переплет был в ужасном состоянии.

Я взяла скальпель и надрезала тонкую телячью кожу вдоль пожелтевшей коричневой марли, высвободив кусочки тонких сухожилий, все еще цеплявшихся за липкие кусочки кожи. В отличие от мамы, я радо-

валась, что не пошла в медицинский. Потому что, давайте смотреть правде в глаза, окажись эта книга человеком, я была бы по локоть в крови и, скорее всего, потеряла бы сознание. Я не очень хорошо переношу вид крови.

До меня донесся резкий вздох.

— Какая гадость!

Я вздрогнула, и скальпель выпал из моей руки. Робин Талли. Моя лучшая подруга смотрела на куски кожи и заплесневелую бумагу, разбросанные по столу.

— Не слышала, как ты вошла, — сказала я, стараясь успокоить сердцебиение.

— Ясное дело, — фыркнула она, поднимая скальпель с пола и возвращая его на стол. — Даже если б тут бомба взорвалась, ты не заметила бы.

Проигнорировав ее слова, я спрыгнула с высокого табурета и крепко обняла Робин.

— Ты сегодня рано...

Она взглянула на часы.

— Вообще-то я как раз вовремя, но в твоей картине мира это рано, полагаю.

Я улыбнулась, затем взяла камеру.

— Ты не возражаешь? Мне нужно еще несколько минут, чтобы схематизировать и заснять все это.

— Прокрастинируй сколько угодно. Я не тороплюсь. — Она сняла пушистую черную куртку и поправила волосы.

— Ничего я не прокрастинирую, — возразила я.

Я сделала несколько снимков разлагающегося переднего края книги крупным планом, затем подняла глаза на Робин и увидела на ее лице выражение глубокой жалости.

— Ну, что такое? — спросила я.

Она подняла руки вверх:

— Я ничего не говорю!

— Так и слышу твое осуждение.

Я отложила камеру и загребла в охапку горсть карамельных «поцелуйчиков» в шоколадной глазури. Кроме шуток, считаю эти конфеты чудом современных технологий. Я отправила в рот сразу несколько штук в надежде насладиться теплым взрывом вкусов.

— Ладно, я прокрастинирую, — сдалась я, опуская руки. — Но разве можно меня в этом винить? Между прочим, сегодня я могла бы угодить в какую-нибудь ловушку.

— Мы собирались в библиотеку, а не шнырять по темным аллеям, — засмеялась Робин.

— Знаю... — Я нахмурилась.

Сегодня в Ковингтонской библиотеке проходил закрытый показ самой важной коллекции книг за последние годы. И человек, которого сейчас чествуют, человек, ответственный за реставрацию редких антикварных книг, представленных на этой выставке, — Абрахам Карастовски, мой наставник, ментор на протяжении всей жизни. И... злой гений? Я не знала. Мы не разговаривали полгода, и я очень нервничала из-за предстоящей встречи после столь долгой разлуки.

Шесть месяцев назад, после многолетних колебаний, я наконец-то объявила Абрахаму, что хочу выйти из его тени и начать собственное дело. Не то чтобы он очень хорошо воспринял эту новость. Ему всегда тяжело давались перемены. Абрахам был человеком старой формации и твердо стоял на своем,

полный решимости бороться с современными тенденциями как в реставрации книг, так и в жизни в целом. Когда я пошла в колледж изучать реставрацию и консервацию книг, он заявил, что это бесполезная трата времени и я научусь куда большему на практике, работая с ним.

Несмотря на всю его категоричность, решение уйти далось мне нелегко, хотя фактически я много лет работала самостоятельно. Абрахам был вне себя от ярости и наговорил всякого, о чем, как я надеялась, он теперь сожалеет.

Что будет, когда мы снова встретимся лицом к лицу? Обойдется ли он со мной как с врагом? Вычеркнет меня, не удостоив ни единым словом? Высмеет перед друзьями и коллегами? В общем, я очень волновалась. Можно ли, с учетом обстоятельств, винить меня за прокрастинацию?

— Абрахам прислал тебе приглашение, — сказала Робин. — Это доказывает, что он хочет тебя видеть. Не то чтобы он гуру коммуникаций, но он любит тебя, Бруклин. И ты это знаешь.

Я почувствовала, что вот-вот заплачу. Моя подруга была права. Как всегда. И, как всегда, это меня одновременно и успокаивало, и бесило.

Мы были лучшими подругами с семи лет, с тех пор как мои родители присоединились к духовной коммуне в винодельческом районе к северу от Сан-Франциско. Мама с папой вырвали меня и моих пяти младших братьев и сестер из привычной жизни, чтобы мы смогли познать радость выращивания наших собственных овощей, носить одежду из конопли и наслаждаться гармонией единства с природой. Мне

это далось нелегко. Когда мы прибыли в коммуну, первой, кого я заметила среди толпы незнакомцев, была темноволосая девочка моего возраста, дерзко сжимавшая в руках лысую куклу Барби в красном атласном платье и черных туфлях на шпильках. Это была Робин. Мы сразу подружились несмотря на то, что во многом были полными противоположностями.

Сейчас Робин производит впечатление беспечной гламурной «публичной персоны». Никогда не подумаешь, что у нее собственный туристический бизнес или что она при этом еще и блестящий скульптор. Робин — брюнетка с шикарными формами и миндалевидными глазами, способная заставить мужчин вылететь на встречную полосу.

Я — совсем другое дело. Серьезная высокая блондинка, все еще не до конца вышедшая из стадии долговой нескладехи. И если мужчины меня о чем-то и спрашивают, то в основном о революционном методе растяжки кожи. Знаю, звучит извращенно, но, к сожалению, это даже близко не так.

Сейчас на мне был строгий и элегантный черный костюм, а Робин выглядела просто сногшибательно, одевшись как на открытие какой-нибудь престижной модной выставки: в дерзкое коктейльное платье и туфли на острых черных каблуках. Ее единственным украшением была классическая нитка жемчуга, доставшаяся от прабабушки.

К несчастью, мы шли не на открытие престижной модной выставки.

— И зачем ты так вырядилась? — поинтересовалась я, аккуратно снимая с себя покрытый пылью лабораторный халат.